

БРЮС В. МЕННИНГ

ТЯЖЕЛО В УЧЕНЬИ — ЛЕГКО В ПОХОДЕ:

НАСЛЕДИЕ А. В. СУВОРОВА

И ЕГО «НАУКА ПОБЕЖДАТЬ»¹

За истекший век комментаторы и военные историки, за редкими исключениями, тяготели к двум крайностям в объяснении военных успехов царизма на протяжении золотого века русского оружия — эпохи, казалось бы, бесконечных побед, начавшихся с царствования Петра Великого (1689–1725) и продолжавшихся до царствования Павла I (1796–1801). Академическая школа искала объяснение военного триумфа в строгом соблюдении Россией общепринятых и повсеместно применяемых принципов военного искусства. Национальная (или русская) школа искала объяснение в специфически русских культурных факторах². Наблюдатели же,

1. Перевод статьи: Train Hard, Fight Easy: The Legacy of A. V. Suvorov and His Art of Victory // *Air University Review*. Vol. XXXVIII. No. 1 (November–December 1986). Pp. 79–88. В заголовке статьи использовано известное утверждение А. В. Суворова «Легко в ученьи — тяжело в походе, тяжело в ученьи — легко в походе», содержащееся в приказе Суворова войскам, находящимся в Польше. Этот суворовский приказ о боевой подготовке с указаниями по обучению войск был объявлен П. С. Потемкиным в приказе от 22 августа 1794 г. // Суворов А. В. *Документы* / Под ред. Г. П. Мещерякова. Т. 1–4. М., 1949–1953. Т. 3. С. 351. Этот сборник является наиболее полным изданием основных документов Суворова. Текст статьи остался неизменным и соответствует своему первому изданию. При подготовке статьи для русского издания автором были сверены все цитаты с первоисточниками, в связи с чем были уточнены отдельные прежние примечания и сделан ряд новых. Автор благодарит за подготовку статьи к русскому изданию М. Кипп. Оригинал статьи см.: <http://www.airpower.au.af.mil/airchronicles/aureview/1986/nov-dec/menning.html>.
2. О происхождении академической и национальной школ см.: Бескровный Л. Г. *Очерки военной историографии России*. М., 1962. С. 185–188; Peter von Wahlde. *Military Thought in Imperial Russia*. Ph. D. dissertation, Indiana University, 1966, Pp. 115–116.

находившиеся между этими полюсами, искали правды в синтезе обоих подходов, в балансе между вышеуказанными постоянными и переменными факторами³.

На общем фоне историографических споров и компромиссов свидетельство главного — если не главнейшего — действующего лица, генералиссимуса Александра Васильевича Суворова (1730–1800) остается особенно поучительным. В 1771 г., вынужденный объяснять свой новаторский подход к тактике и обучению в ходе боев против польских конфедератов, Суворов, в то время ещё генерал-майор, доказывал, что его методы были оправданы в свете русских военных успехов в борьбе против Пруссии в Семилетнюю войну. Он отмечал, что Фридрих II, позиция которого была смята противником со всех сторон, потерял при этом хорошо обученных солдат и вынужден был затем наспех формировать пополнения, не имея времени толком обучать своих новоиспеченных солдат. Напротив, русские к 1761 г. ничуть не уступали своему противнику. В чем же заключалась разница, с точки зрения Суворова? Именно в обучении. В то время как Фридрих заменял опытные войска наспех обученными рекрутами, уровень боевой подготовки русских солдат, уже побывавших в боях, был очень высок. В результате пруссаки уступили русским точно так же, как в 1709 г. под Полтавой шведы уступили Петру Великому, который тренировал свои войска более иностранцев, чьи собственные силы были недостаточно обучены⁴. Суворов позднее утверждал, что «за учёного трёх неучёных дают», а то и все десять, и любил говорить, что «ученье — свет, а неученье — тьма»⁵.

Эти утверждения подчеркивают важность, которую величайший из русских полководцев приписывал обучению и воспитанию солдат. К 1771 г. сочетание в его собственной биографии таких факторов, как прохождение рядовой службы, боевой опыт и пребывание на различных младших и старших командных и штабных должностях, легло в основу всеобъемлющей программы военной подготовки, необходимой для достижения победы. В 1795 г. Суворов, у которого за плечами были локальные конфликты 1770-х гг. в Польше, несколько войн и множество кампаний, обобщает опыт своей более

3. Christopher Duffy. *Russia's Military Way to the West*. London, 1981. Pp. xii, 234; Bruce W. Menning. *Russian Military Innovation in the Second Half of the Eighteenth Century* // *Military and Society*. 1984. May. Pp. 24–25, 36–37; Комаров А. А. Развитие тактической мысли в русской армии в 60–90-х гг. XVIII в. // *Вестник Московского университета*. Сер. 8. История. 1982. № 3. С. 62–63.
4. А. В. Суворов И. И. Веймарну. 3 марта 1771 г. // Суворов А. В. *Документы*. Т. 1. С. 366–367.
5. Эти утверждения взяты из «Науки побеждать». // Суворов А. В. *Документы*. Т. 3. С. 508.

чем сорокалетней службы в наборе доступных инструкций по обучению солдат основам военного искусства.

Эти инструкции, известные как «Наука побеждать», поначалу ходили в рукописном виде. После смерти Суворова они были на какое-то время позабыты, но впоследствии, между 1806–1811 гг., издавались и переиздавались восемь раз⁶. Ко второй половине XIX в. «Наука побеждать» уже считалась образцом русской военной классики⁷. В тех или иных вариантах она стала впоследствии источником информации и вдохновения для русских и советских военных инструкторов. Именно в силу непреходящего влияния суворовских принципов обучения, обобщенных в «Науке побеждать», обзор этих принципов представляется целесообразным для уяснения сути не только русского, но и советского военного прошлого.

Никакой разговор о суворовских методах обучения невозможен без понимания обстоятельств их возникновения, а также их влияния. Суворов поступил на действительную военную службу в Императорскую Русскую Армию в 1748 г. в возрасте восемнадцати лет, и большая часть его карьеры совпала с расцветом линейной тактики восемнадцатого века. В те времена армии хорошо обученных профессионалов, вооруженных гладкоствольными кремневыми мушкетами, маршировали в колоннах, а сражались в линиях в тщательно отрежиссированных сражениях, которые, по крайней мере метафорически, отражали современную интеллектуальную поглощенность проблемами порядка, симметрии и рационализма⁸. Когда в 1760–1770-е гг. Суворов, наконец, получил командное назначение, он ворвался в строго упорядоченный мир как новатор, командир, чьи тактические и оперативные концепции часто находились в противоречии с европейской военной традицией. В противовес вялым методам и тактике того времени, Суворов маршировал стремительно, наносил удары внезапно, атаковал, как ка-

6. Более подробно об истории и издании «Науки побеждать» см.: Кочетков А. Н. К вопросу об истории, текстологии и библиографии «Науки побеждать» А. В. Суворова // *Суворовский сборник* / Отв. ред. А. В. Сухомлин. М., 1951. С. 157–182; Кавтарадзе А. Г. А. В. Суворов в отечественной историографии // Александр Васильевич Суворов / Под ред. Л. Г. Бескровного и А. А. Преображенского. М., 1980. С. 14–16.
7. «Наука побеждать» понималась буквально, т. е. как «наука» победы. Однако применительно к XVIII в. этот термин скорее следует понимать как «искусство». Подтверждением служит тот факт, что М. А. Рахматуллин использует именно термин «искусство» в своей работе. См. Рахматуллин М. А. *Генералиссимус А. В. Суворов. Его искусство побеждать*. // *История СССР*. 1980. № 9–10.
8. О взаимосвязи военного дела и интеллектуальной жизни см.: Lee Kennett. *Tactics and Culture: The Eighteenth-Century Experience* // *International Commission of Military History*. ACTA No. 5 (Bucharest 10–17 VIII 1980). Bucharest, 1981. Pp. 152–159.

залось, бессистемно, т. е. в нескольких типах боевых порядков, и преследовал неотступно⁹.

Суворов делал особый упор на детальное и реалистичное обучение войска, что воспитывало в солдатах собранность, дисциплину и ожесточённость в бою. Однако основным стержнем его программы являлся дополнительный (и новаторский для того времени) упор на страницах «Науки побеждать» на подвижность, гибкость, инициативу и быстроту. Эти и другие аспекты своей концепции Суворов обобщил в своей знаменитой триаде — быстрота, глазомер, натиск¹⁰. Под этим подразумевалось требование к солдатам и офицерам стремительно продвигаться, быстро и точно оценивать ситуацию, а затем стремительно переходить в атаку. В боях ли против польских мятежников, татар, турецких янычар, французских революционеров или прусских гренадер, упор Суворова на тщательную подготовку и быстрое исполнение оказался достаточным для того, чтобы принести шесть десятков больших и малых побед, часто перед лицом казалось бы безнадежного численного превосходства врага. По замечанию Филиппа Лонгворта, — наиболее современного западного биографа Суворова — «победы его были слишком многочисленны, чтобы приписывать их просто удаче: он вообще никогда не проигрывал»¹¹.

Хотя «Наука побеждать» датируется 1795 годом, есть основания полагать, что Суворов впервые озвучил систематические взгляды на обучение в 1760-е гг., когда по возвращении из прусских кампаний он принял командование сначала Астраханским, а затем Суздальским пехотными полками. К 1765 г. он составил успешную программу обучения — «Суздальское учреждение», — которое служило законным дополнением к официальным уставам 1763 г.¹² В соответствии с обстоятельствами и в согласии с уставом, на каждой очередной командной должности Суворов стремился расширить и утвердить свою систематическую программу обучения войск. Эти уточнения и разрозненные инструкции, в конце концов, слились в «Науку побеждать». Оставляя в стороне проблему дальнейшего

9. Золотарев В. А., Межевич М. Н., Скородумов Д. Е. Во славу отечества Российского. (Развитие военной мысли и военного искусства в России во второй половине XVIII в.). М., 1984. С. 226–231.

10. Наука побеждать // Суворов А. В. Документы. Т. 3. С. 506–507. Под быстротой понимается «скорость»; глазомер буквально означает «измерять расстояния глазом» или проще — «подсчитывать» или «давать оценку»; натиск означает «импульс» в смысле нанесения удара с импульсом; в данном случае перевод Филиппа Лонгворта как «hitting power» представляется наиболее соответствующим. См.: Longworth P. The Art of Victory. New York, 1965. P. 218.

11. Longworth P. Указ. соч. P. 11.

12. Опубликовано под названием «Полковое учреждение». (1764–1765) // Суворов А. В. Документы. Т. 1. С. 75–152.

развития суворовской концепции и её практического применения, следует отметить, что в «Суздальском учреждении» уже заложены основы суворовской системы обучения, сводившиеся к следующему: 1) понимать солдата и его нужды; 2) осознавать необходимость воспитания под строгим надзором уверенного в себе воина; 3) развивать в солдатах чувство индивидуальной и коллективной идентичности и, наконец, 4) проводить возрастающие по трудности учения в условиях, постепенно всё более приближающихся к реальному бою. Этот подход оправдал себя настолько, что уже в середине 1760-х гг. великолепно обученные суздальцы удостоились высочайшего внимания на летних маневрах под Царским Селом¹³.

Для Суворова обучение начиналось с каждого отдельного солдата. Задача состояла в том, чтобы превратить ежегодный набор необученных и неграмотных крестьян-рекрутов в боевые войска. Надо было преобразить в воинов растерянных и недовольных молодых людей, вырванных из привычной сельской жизни и брошенных, как им казалось, в качестве наказания в чуждую им жизнь рутины, правил, ритуалов и строгой субординации. Современные историки зачастую упоминают, что казарменная жизнь по-существу мало чем отличалась от жизни в деревне. Не следует, однако, забывать, что солдатская жизнь содержала в себе нечто новое и пугающее, а именно, сознательное подвержение себя опасности с реальной возможностью «отдать жизнь за царя»¹⁴. Суворов подходил к этой, как и к другим проблемам обучения, со свойственной ему прямотой. В «Науке побеждать» он объясняет рекрутам на доступном им языке, что, если «крестьянин не умеет сохой владеть — хлеб не родится»¹⁵. Всякому ясно, что точно так же бывает и в бою: если солдат необучен, то победа в бою невозможна. И именно потому Суворов — мастер боевой учебы — сознательно перевоспитывал своих крестьян-рекрутов таким образом, чтобы они воспринимали трудное как возможное, а невозможное как более приемлемое.

В замысле Суворова ничего особенно нового не было, но самый подход его был новаторским. Он не делал упора на телесные наказания, и ещё до начала курса предписывал строгое соблюдение правил, благоприятствующих сохранению здоровья солдат, а также соблюдение рациона и соответствующих условий расквартирования. Военные врачи и командиры делали ежедневные проверки

13. См.: Бескровный Л. Г. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957. С. 138–139. О суздальском периоде см.: Петрушевский А. Генералиссимус князь Суворов. Т. 1–3. СПб., 1884. Т. 1. С. 41–49. Для издания 2005 г. (перепечатано с издания 1900 г. с исправлениями и дополнениями): СПб. (Серия «Книжные памятники из фондов Библиотеки Академии наук»). С. 30–33.

14. John Bushnell. Peasants in Uniform: The Tsarist Army as a Peasant Society // Journal of Social History. Summer 1980. Pp. 566–569.

15. Наука побеждать // Суворов А. В. Документы. Т. 3. С. 508.

состояния войск и их биваков. Солдаты никогда не спали на голой земле, в рацион предписывалось включать овощи, воду требовалось кипятить, и соответствующие меры должны были предприниматься для обеспечения полевой гигиены¹⁶. В эпоху, когда всякий командир норовил урезать солдатский рацион в целях собственного обогащения, Суворов возлагал на офицеров прямую ответственность за благополучие своих войск¹⁷. Такая забота приносила ощутимые результаты — процент смертности снижался, а боевая готовность возрастала. Снижалась также необходимость возмещения потерь при обучении и происходил заметный переворот в моральном состоянии, поскольку солдат, как ветеран так и новобранец, начал понимать смысл обучения. Денис Давыдов, русский герой-партизан 1812 г., отмечал в своих мемуарных записках, что Суворов «положил руку на сердце русского солдата и изучил его бытие»¹⁸.

«Наука побеждать» усиливала общее чувство сопричастности, предписывая офицерам говорить с солдатами их языком. Упор делался на практическое объяснение и показ в выражениях, доступных простому солдату¹⁹. Сам Суворов любил делить со своими солдатами немногие часы досуга на походе или во время учений, сидя с ними у костра и обмениваясь с ними шутками — привычка, сложившаяся у него ещё в период, когда он сам служил рядовым²⁰.

Визиты командующего и его простота в общении с солдатами отнюдь не означали недостатка дисциплины. Напротив, Суворов был уверен, что военная жизнь как таковая не могла существовать без строгой дисциплины и субординации²¹. Суворов пристально изучал историю Рима и явно понимал, что восстановление римской дисциплины было в большой степени способно возместить недостаток технических усовершенствований в век застоя технологии. В одном из приказов он указывал, что непоколебимость воинской дисциплины основывается на беспрекословном подчинении²². В другом — отмечал, что из подчинения следует четкое и легкое ис-

полнение каждым человеком своих обязанностей и гордость за безупречность исполнения²³. Именно в этом, как Суворов считал, заключалась вся сущность военной дисциплины. Он требовал, чтобы солдатская форма была в образцовом порядке, а сам солдат вёл себя, как и подобает солдату. Ответственность за поведение рядовых Суворов возлагал на штаб-офицеров, полковых и ротных командиров²⁴. В условиях мирного времени, Суворов ожидал, что его люди будут ладить с местным населением, и на своей, и на завоеванной территории, и будут твёрдо следовать уставу²⁵; в военное время — будут сохранять дисциплину и присутствие духа, что способствует выполнению боевой задачи и ведёт к победе²⁶. Если кавалерист в ходе преследования останавливался, чтобы обогнать павшего врага, офицеру предписывалось его застрелить. Если старший по чину офицер видел, что нижестоящий офицер не настаивает на исполнении устава, то его обязанностью было поместить этого младшего офицера под немедленный арест²⁷.

Упор на традиционную дисциплину как на основу воинской жизни не должен затенять того значения, которое Суворов придавал энтузиазму и положительным аспектам системного подхода к обучению, которое вселяло уверенность в себе. Он учитывал также важность религиозного чувства в укреплении идентичности и в верности разделяемым ценностям. Суворов понимал, что достижение целей обучения зависит от степени эффективности его методов воспитания в солдате уверенности в собственных силах и в способности одержать победу даже в самых тяжелых условиях боя. Он запрещал своим войскам испускать боевые кличи на манер «варваров». Во время боя солдатам выкрикивать можно было только всеобщее воодушевляющее «ура». «Господам начальствующим» позволялось выкрикивать только команду²⁸. В солдатах он ценил самообладание, дисциплину и силу воли, которые обычно подавляют противника и неизменно ведут к победе.

16. Наука побеждать // Суворов А. В. Документы. Т. 3. С. 507; Приказ А. В. Суворова войскам. 18 сентября 1778 г. // Там же. Т. 2. С. 122–123.

17. См., например, инструкцию Суворова гарнизону г. Кинбурна (пункт 2-е). 12 октября 1787 г. // Суворов А. В. Документы. Т. 2. С. 355.

18. Давыдов Д. В. Встреча с великим Суворовым (1793) // Военные записки. М., 1982. С. 24.

19. Наука побеждать // Суворов А. В. Документы. Т. 3. С. 504.

20. См. также: John L. H. Keep. Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia 1462–1874. Oxford, 1985. P. 211.

21. Известно его утверждение: «Субординация или послушание — мать дисциплины, или военному искусству», из инструкции Суворова гарнизону г. Кинбурна (пункт 2-е). 12 октября 1787 г. // Суворов А. В. Документы. Т. 2. С. 355.

22. Из приказа А. В. Суворова. 18 сентября 1778 г. — «Подчиненных во всем содержать в строжайшей воинской дисциплине...» // Суворов А. В. Документы. Т. 2. С. 122

23. См., например: Полковое учреждение и Наука побеждать // Суворов А. В. Документы. Т. 1. С. 98–99, 152. Т. 3. С. 508.

24. См., например: Полковое учреждение. Глава IV // Суворов А. В. Документы. Т. 1. С. 98–128.

25. Об отношении к местному населению см., например, приказы А. В. Суворова. 18 сентября 1778 г. и 22 августа 1794 г., Наука побеждать // Суворов А. В. Документы. Т. 2. С. 122. Т. 3. С. 350, 505.

26. Приказ А. В. Суворова войскам, находящимся в Польше. 22 августа 1794 г. // Суворов А. В. Документы. Т. 3. С. 351.

27. См., например, об аресте за неисполнение положений устава — Полковое учреждение // Суворов А. В. Документы. Т. 1. С. 140.

28. Приказ А. В. Суворова. 21 декабря 1787 г. // Суворов А. В. Документы. Т. 2. С. 374. Приказ А. В. Суворова войскам, находящимся в Польше. 22 августа 1794 г. // Там же. Т. 3. С. 350.

Но как было воспитать уверенность в себе в людях, приученных к жизни на низших ступенях социальной иерархии? Прежде всего следовало позаботиться о благосостоянии солдат, затем пробудить в них сознание своего долга и важности дисциплины, и только после этого начинать настоящее обучение. Объяснение всегда сопровождалось показом. Обучение строилось по возрастающей — от простого к сложному. Процесс был целесообразным, постепенным и методичным. Каждый отдельный новобранец получал наставление касательно нравственности, военной выправки и опрятности. Далее следовало элементарное введение в приемы владения оружием. Затем приступали к тому, что Суворов называл «маневрами, маршами и эволюциями», сначала на уровне отделения, затем взвода и роты. Основное внимание уделялось умению менять боевой порядок, как можно быстрее перестраиваться из походного порядка в соответствующий боевой. Как и другой военный гений XVIII в. — маршал Мориц Саксонский, Суворов, безусловно, верил, что весь секрет маневрирования заключается в тренированных ногах. Хотя Суворов проповедовал строгое соблюдение уставов в гарнизонной службе, в поле он был менее озабочен внешним видом, ровностью шага и блеском, нежели умением войск быстро передвигаться и легко перестраиваться²⁹.

Ловкость и быстрота развивались в процессе физической закалки, и, хотя сам Суворов не отличался крепким телосложением, он подвергал свои войска суровой физической подготовке. Они учились быстро покрывать большие расстояния, плавать, передвигаться по труднопроходимой местности, перепрыгивать через препятствия. С закалкой приходила выносливость и гордость за хорошо выполненную задачу. С закалкой приходила также и скорость. Суворов непрерывно тренировал своих солдат на преодоление огромных расстояний с короткими передышками. Естественно, такая суровая закалка себя оправдывала. Так в 1769 г. на пути в Брест его суздальцы прошли 420 верст за 11 переходов, со средним маршевым темпом 39 верст в день. В 1799 г., во время итальянской кампании, несмотря на летнюю жару, он однажды прошел 80 верст за 36 часов, чтобы сразу же вслед затем дать трехдневное сражение. Не без основания Лонгворт замечает, что Суворов «был одержим идеей скорости»³⁰.

В тактическом и оперативном контексте такое высказывание не является преувеличением. Русский генералиссимус однажды

29. Комаров А. А. Великий полководец и педагог // Преподавание истории в школе. 1980. № 6. С. 17; William H. McNeill. *The Pursuit of Power: Technology, Armed Force and Society since A. D. 1000*. Chicago, 1982. Pp. 132–133.
30. Longworth. Указ. соч. P. 36. См. также: Орлов Н. А. Тактика Суворова // Суворов в сообщениях профессоров Николаевской академии генерального штаба. Т. 1–2. Спб., 1900–1901. Т. 2. С. 248, 251.

напомнил австрийскому союзнику, что деньги дороги; жизнь человека еще дороже, но время дороже всего. Суворов высоко ценил скорость, потому что она делала время его союзником и увеличивала возможность достижения внезапности. «Одна минута — утверждал Суворов — решает исход баталии, один час — успех кампании, один день — судьбы империй, я действую не часами, а минутами»³¹. В «Науке побеждать» он писал: «Неприятель нас не чаёт, считает нас за 100 верст, а коли издали, на двух, трехстах и больше. Вдруг мы на него как снег на голову»³². В сердце суворовской тактической системы лежало понимание того, что армия воюет «не численностью, но умением» и что «скорость и быстрота важнее численности, а натиск и удар решают исход боя»³³.

Однако делая упор на «обучение движению ног», Суворов отнюдь не пренебрегал «обучением действию рук», хотя и уделял меньше внимания отточности движений во время «экзерциций» по мушкетной стрельбе. Кроме умения надлежащим образом вскидывать ружьё на плечо, Суворов требовал ещё обучения частой стрельбе и штыковому бою. Упор на частый огонь во время учений делался не с целью увеличения плотности огня, а с тем, чтобы солдат научился «приёмам скорого заряжания». Заряжать следовало быстро, а стрелять медленно и точно³⁴. Он учил, что в рукопашном бою пулю надо беречь, а полагаться, в первую очередь, на штык. Если три турка в бою нападут на русского солдата, то, как он говорил, «первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун»³⁵.

Предписание Суворова полагаться в первую очередь на штык было вполне обосновано, принимая во внимание его концепцию решительных наступательных действий и современный ему уровень технического оснащения. Русские солдаты были вооружены 70-калиберным гладкоствольным кремневым мушкетом, скорострельность которого в идеальных условиях составляла 3–4 выстрела в минуту. В условиях настоящего огневого боя обученные соединения могли сохранять дисциплину и слаженность в течение нескольких минут, после чего шум, дым и суматоха сраже-

31. Цит. по Петрушевский А. Указ. соч. Т. 3. С. 33. Для издания 2005 г. (перепеч. с изд. 1900 г. с испр. и доп.) С. 463.

32. Наука побеждать // Суворов А. В. Документы. Т. 3. С. 506.

33. А. В. Суворов Г. Бельгарду 20 мая 1799 г. // Суворов А. В. Документы. Т. 4. С. 116. См. также: Крупченко И. А. В. Суворов и военное искусство // Военно-исторический журнал. 1980. № 10. С. 73; Рахматуллин М. А. Указ. соч. С. 66.

34. Полковое учреждение (глава II — О экзерцировании) // Суворов А. В. Документы. Т. 1. С. 86, 87, 88; см. также Кочетков А. Н. Тактические взгляды А. В. Суворова // Развитие тактики русской армии (XVIII в. — начало XX). Под ред. Д. В. Панкова. М., 1957. С. 90.

35. Наука побеждать // Суворов А. В. Документы. Т. 3. С. 505.

ния постепенно брали верх, заметно снижая производительность огня. В то же время, замковый механизм был ломким, а эффективная дальность стрельбы небольшой. Сломанный кремль или задержка с перезарядкой мгновенно преображали снабженный штыком мушкет в пику, а огневой бой в рукопашный. Неудивительно, что Бенжамин Франклин — современник Суворова — однажды всерьез предложил вооружить континентальную армию луками. Несовершенная и ненадежная техника побуждала Суворова придавать особое значение штыку: солдат был обязан уметь стрелять, но, в конечном счёте, штык всё же был более надежным товарищем. Или, как выразился Суворов на языке, доступном простому солдату: «пуля — дура, штык молодец»³⁶.

Суворову часто приписывают «культ штыка», который возродится в России век спустя, когда М. И. Драгомиров будет ставить холодную сталь выше современных тактических и технических новаций. Оставляя в стороне проблему военной техники, следует отметить, что критики штыка склонны игнорировать психологический фактор. Победа в бою, в конечном счете, олицетворяет триумф воли, и нет лучшего способа продемонстрировать своё полное превосходство, нежели подчинить себе противника физически, со штыком в руке. Неоспоримо, что новейшие достижения в военной технике постепенно вытеснили применение штыка. Но и современные солдаты обязаны демонстрировать способность навязать свою волю врагу, и если надо — в ближнем бою. Суворов прекрасно это понимал; военный опыт периода Французской Революции был тому примером; и лучшие военные педагоги всё ещё ищут методы воспитания в солдатах такого же рода решительности³⁷. Как и другие мастера боевого обучения, включая Драгомирова и Ардан дю-Пика, Суворов был знатоком солдатской психологии и боевого стресса.

Почему Суворов отдавал такое предпочтение штыку понятно. Но требует разъяснения почему Суворов так верил в дисциплинированное применение огня, как средства навязать свою волю противнику. Воздержание от ведения огня могло нервировать противника сильнее, чем стрельба залпами без осязательного эффекта. Такая стрельба, по его мнению, лишь «ободряла варваров», которые приближались и убивали, в то время как русские перезаряжали ружья³⁸. Когда суворовские солдаты прибегали к пулям, огонь отдельных солдат и подразделений должен был взаимно поддержи-

36. Наука побеждать // Суворов А. В. Документы. Т. 3. С. 504. См. также: Орлов Н. А. Тактика Суворова. С. 251.

37. Thomas V. Moseley. Evolution of the American Civil War Infantry Tactics. Ph. D. dissertation. University of North Carolina, 1967. Pp. 214–215.

38. Инструкция А. В. Суворова гарнизону г. Кинбурна (пункт 1). 12 октября 1787 г. // Суворов А. В. Документы. Т. 2. С. 354.

вать друг друга. Он также должен был быть метким: стрелять попусту со слабой крестьянской надеждой, что пуля сама виноватого отыщет, возбранялось³⁹. Суворов учил каждое подразделение выделять несколько лучших стрелков, в чью задачу входило произвольно, без команды, стрелять по кавалерии и офицерам наступающего противника. Не следует думать, что Суворов не придавал особого значения огневой мощи: ведь именно он приказывал солдатам иметь при себе в боях в южных степях по 100 патронов на каждого⁴⁰. Для XVIII в. такое количество боеприпасов было необычно. Более того, именно Суворов, — командующий, который, как известно, подчеркивал превосходство штыка над пулей — сказал: «пехотные огни открывают победу»⁴¹.

Указание на взаимосвязанную природу огневой мощи и штыка подчеркивало важность наступления и в обучении, и в боевой практике. Офицеров, точно так же, как и солдат, всегда учили думать в категориях движения вперед, использования преимуществ. Для Суворова отступление было синонимом предательства. Это слово никогда не употреблялось во время учений. Офицеры, которые говорили об этом прямо или завуалировано, подвергались строгому выговору. «Шаг назад — смерть...» — говорил полковдец⁴². На учениях идти можно было только вперед. Другой альтернативы не было. Разумеется, то же касалось и боя. В бою не разрешалась даже замена одних частей другими, дабы не приняли это невзначай за сигнал к отступлению⁴³.

При таком подходе главной заботой была, естественно, подвижность и манёвренность войск. В бою или перед приближающимся боем, Суворов настаивал, чтобы младшие офицеры вели свои части в атаку на противника. При этом солдатам некогда было думать о своих страхах, а противнику трудно было приблизиться к движущейся цели. В то же время, за пределами непосредственных границ поля боя, главной заботой Суворова была быстрота передвижения, что отражало его одержимость идеей скорости. В период

39. Приказ А. В. Суворова. Июнь 1770 г. // Суворов А. В. Документы. Т. 1. С. 271.

40. Приказ А. В. Суворова войскам Кубанского корпуса с изложением учебной инструкции о способах действия в бою. 16 мая 1778 г. (этот приказ был повторен для войск Крымского корпуса в июне 1778 г.) // Суворов А. В. Документы. Т. 2. С. 60 (раздел 5). См. также: Записка А. В. Суворова [В. С. Попову] с рассуждениями о русской гвардии и воспитании офицеров. 11 октября 1787 г. // Суворов А. В. Документы. Т. 2. С. 348.

41. Цитируется по: Кочетков А. Н. Тактические взгляды А. В. Суворова. С. 97.

42. Приказ А. В. Суворова войскам, находящимся в Польше. 22 августа 1794 г. Полный текст данной фразы: «Шаг назад — смерть, всякая стрельба кончается штыками» // Суворов А. В. Документы. Т. 3. С. 351.

43. Наука побеждать — «Никто не смеет пятиться назад ни четверти шага» // Суворов А. В. Документы. Т. 3. С. 502. См. также: Кочетков А. Н. Тактические взгляды А. В. Суворова. С. 89–90.

технологического застоя даже очень малое улучшение приносило существенные результаты. Именно так получилось и с суворовской философией подвижности. Насколько позволяли рамки устава, он приказывал облегчать снаряжение и униформу. Он искренне поддерживал реформу мундира, предпринятую князем Г. А. Потемкиным в 1784 г., так как она означала функциональный отход от более ранних экспериментов с мундиром прусского образца. Очевидной целью было сократить расходы и способствовать скорости движений⁴⁴.

Чтобы добиться приемлемого уровня профессионализма, обучение должно было быть непрерывным и подконтрольным. Для Суворова боевая подготовка была постоянным делом, вне зависимости от времени года и обстоятельств. Его солдаты проходили боевую подготовку зимой и летом. Постоянно стремясь к совершенству, он проводил учения даже в ходе кампании. Во время несения службы в боевом охранении малыми отрядами, требовательность командиров вполне могла ослабляться, а солдатам недолго было отпугнуть от ежедневной аванпостной и караульной службы. Противоядием служили учения, которые проводились даже в малых гарнизонах под непосредственным офицерским контролем. Суворов и убеждал, и приказывал офицерам принимать непосредственное участие в учениях⁴⁵. В эпоху, когда обер-офицеры перепоручали скучные аспекты строевой службы младшим командирам и когда начальники обучали своих солдат только в хорошую погоду, действия Суворова означали существенный отход от современной практики.

В дополнение к постепенному и непрерывному обучению, Суворов настаивал также и на том, чтобы учения были целенаправленными и полезными. Ещё одним его принципом было — учить войска только тому, что нужно на войне. Его практический подход к владению оружием и быстрому заряджению демонстрируют его стремление исключить всё, что не служило увеличению огневой мощи. В то же время, он настаивал на том, что «каждый воин должен понимать свой маневр»⁴⁶. Это означало, что учения были нацелены на то, что солдату пригодится в бою. Обычной муштры, маневров и боевой подготовки было достаточно, чтобы привить самые насущные боевые навыки. Но обстоятельства иногда требовали отхода от рутины. Например, когда Суворов стоял лагерем под турецкой крепостью Измаил в 1790 г., он приказал инженерам построить

44. А. В. Суворов [В. С. Попову]. 11 октября 1787 // Суворов А. В. Документы. Т. 2. С. 347–348; Приказ А. В. Суворова войскам Кубанского корпуса. 16 мая 1777 г. // Там же. Т. 2. С. 64.

45. Приказ А. В. Суворова в Казанский пехотный полк о необходимости производить военные обучения. 9 декабря 1771 г. // Суворов А. В. Документы. Т. 1. С. 474.

46. Суворов А. В. Документы. Т. 4. С. 20.

для учений точные копии отдельных секций крепостных стен, которые его солдатам предстояло штурмовать. Благодаря такой тщательной подготовке перед всяким наступлением, каждый солдат знал свое место в боевом порядке и каждый знал стоявшую перед ним задачу⁴⁷. Даже при наиболее благоприятных обстоятельствах во всяком бою содержится элемент внезапности; сам Суворов широко пользовался приёмом внезапности, и своих солдат он обучал так, чтобы они были готовы к любым неожиданностям.

Возможно, наилучшей страховкой от неожиданного было настойчивое требование стремиться к правдоподобию в маневрах и строевых учениях. Несмотря на своё кажущееся некрепкое телосложение, Суворов прославился тем, что выводил своих солдат на летние учения, где они маневрировали в составе более крупных подразделений, в которых офицеры приобретали опыт применения всех трех родов войск. В XVIII в. русские воинские уставы предписывали несколько видов учений, каждое из которых обычно начиналось с развертывания из походного порядка в боевой, изменения направления атаки или движения, а затем возвращения к походному порядку. В соответствии со своей триадой, Суворов стремился к ускоренному движению при боевом контакте, быстрой, но четкой оценке ситуации, и немедленной атаке. День за днем его войска тренировались на стремительное сближение, развертывание из походного порядка в линию или каре, за которым следовала атака. Боевые порядки и тактика всегда зависели от условий местности и предполагаемого противника⁴⁸. Гибкий подход к развертыванию Суворов четко обобщил в учебной инструкции 1778 г. для Крымского и Кубанского корпусов: «Против регулярных войск — линейные, как в прошлой прусской войне, против иррегулярных, как в прошлой турецкой»⁴⁹.

Однако лучше всего обучение воспроизводило условия реального боя в жестоких двухсторонних учениях, когда одна сторона выступала против другой. В этом отношении вкладом Суворова в реализм — основой его учебной системы — являлась «сквозная атака». Очевидно, он придумал это упражнение несколько позднее своих опытов в Суздальском полку в 1760-е гг. С марша он разделял свои войска на две противостоящие группы, а затем приказывал им развернуться в боевые порядки в 200–250 шагах напротив друг дру-

47. Ростунов И. И. Штурм Измаила // Военно-исторический журнал. 1965. № 12. С. 114.

48. Столетие Военного Министерства. 1802–1903. СПб., 1902–1914. Т. 4. Составил полк. Гиппиус А. И. Образование (обучение) войск. Часть I. Книга II. Отдел III. СПб. 1903. С. 118.

49. Приказ А. В. Суворова войскам Кубанского корпуса с изложением учебной инструкции о способах действия в бою от 16 мая 1778 г. (этот приказ был повторен для войск Крымского корпуса в июне 1778 г.) // Суворов А. В. Документы. Т. 2. С. 63 (раздел 12).

га (дистанция картечного выстрела). Стороны переходили в атаку, останавливаясь на предписанных интервалах, чтобы дать холостые залпы в мнимого противника, и в конце переходили в стремительную штыковую атаку. Чтобы они запомнили момент сближения с противником, Суворов приказывал солдатам не замедлять шага, но в последний момент сделать полшага, поднять ружья и прорваться сквозь узкие интервалы в противоположных рядах. На небольшом расстоянии за линией условного соприкосновения, солдаты делали полный оборот и вновь оказывались лицом к лицу с противником. Упражнение повторялось до тех пор, пока сохранение сплоченности, порыва и натиска не становилось автоматическим⁵⁰.

Чтобы как можно сильнее приблизиться к условиям боя Суворов часто включал кавалерию и артиллерию в учения со «сквозной атакой». Грохот артиллерийской пальбы, топот копыт, блеск штыков и сабель, шум и дым учебного сражения вносили в него серьезную долю реализма. Суворов верил, что это было лучшим способом обучить кавалерию всем сложностям пехотной атаки и вселить в пехоту необходимую стойкость для отражения кавалерийской атаки.

Реализм увеличивал риск, и свидетельства очевидцев говорят о ранениях и даже смертельных случаях в ходе учений со «сквозной атакой». В 1794 г. Денис Давыдов отмечал реакцию Суворова на беспокойство своих подчиненных по поводу возможности потерь во время учений. «Бог с ними!» — отвечал он — «Четыре, пять, десять человек убью; четыре, пять, десять тысяч выучу»⁵¹. Таким образом, Суворов принимал возможность ранений и даже случаев смертельного исхода, но оправдывал их тем, что сегодняшние малые потери в ходе учений предотвратят куда большие потери в завтрашнем бою. Действительно, постоянная забота Суворова о благополучии и здоровье своих солдат хорошо документирована. Обученные солдаты были слишком ценны, чтобы терять их в небоевых условиях. Тем не менее, суровое обучение являлось лучшей гарантией того, что они выживут в бою и выйдут из него победителями. Главной задачей Суворова, отнюдь не безразличного к судьбе своих солдат, было успешно провести их через бой⁵².

Реалистичные учения и их обсуждения давали возможность обучать офицеров их задачам и функциям. Суворов побуждал офицеров читать историю, выбирать нужное из прошлого военных героев, чьи карьеры были достойны подражания. Для Суворова военная история являлась школой тактического обучения. «Без све-

50. Гареев М. А. Общевоинские учения. М., 1983. С. 31–32. См. также: Наука побеждать // Суворов А. В. Документы. Т. 3. С. 502–503.

51. Давыдов Д. В. Указ. соч. С. 32.

52. См., например, приказ А. В. Суворова по Финляндскому корпусу о мерах по сохранению здоровья солдат. 1792 г. (документ не имеет точной даты) // Суворов А. В. Документы. Т. 3. С. 74–75.

тильника истории — тактика потемки» — говорил он⁵³. Изучением истории или разбором кампаний он подчеркивал прямую контролирующую роль офицеров в проведении учений. По окончании ежедневных занятий Суворов собирал офицеров, давал здравую оценку преподанных уроков, обозначал области, которые требовали улучшения, и скупно раздавал равные порции похвал и замечаний⁵⁴. И хотя он никогда не слыл легким начальником, он всегда был щедр на похвалы в адрес тех, кто исполнял свои обязанности толково и добросовестно.

Итак, в чем же заключалась цель такого обучения? Цель состояла в подготовке дисциплинированных солдат, которые черпали силы в глубоком чувстве идентичности и преданности и которые сохраняли уверенность в своей способности одержать победу, потому что были уверены в себе, в своей задаче и в своих вождях. Один европейский военный наблюдатель так резюмировал ситуацию в 1799 г., после наблюдения за русскими учениями в северной Италии: «Последний солдат, из попавших в сферу его (суворовского — Б. М.) влияния узнавал, и практически, и теоретически, боевое дело лучше, чем теперь его знают в любой европейской армии в мирное время... А, если человек выдержан так, что его ничем удивить невозможно; если он при том знает, что делает в своей скромной сфере, — он не может быть побежден, он не может не победить»⁵⁵. Эта установка, в сочетании с суворовской триадой быстроты, глазомера и натиска, во многом объясняет успех русских армий, сражавшихся под командованием гномоподобного генералиссимуса, ставшего впоследствии идеалом для русских и советских военных историков.

И, действительно, уроки Суворова не были позабыты последующими поколениями. Те, кто сражались вместе с Суворовым, некоторое время, пусть и недолгое, хранили верность его наставлениям и методам. К концу 1830-х гг. новое поколение возродило наследие мастера и предложило реформы в его духе. К 1860-м гг., немногочисленные последователи Суворова, такие как Д. А. Милютин, проложили дорогу целой школе приверженцев и подражателей во главе с неутомимым М. И. Драгомировым — одним из выдающихся специалистов по военному обучению в современной военной истории. Хотя Драгомиров преувеличивал значение штыка в современных ему боевых условиях, он многое сделал для того, чтобы повысить качество боевой подготовки в массовой призывной армии⁵⁶. В 1918 г. Ленин предписывал включить учебные па-

53. Цит. по: История военного искусства. Т. 1–2. М., 1963. Т. 1. С. 159.

54. См.: Гареев М. А. Указ. соч. С. 29–30.

55. Цит. по: Гареев М. А. Указ. соч. С. 35.

56. Зайцев Л. А. Военно-педагогические взгляды М. И. Драгомирова // Военно-исторический журнал. 1985. № 9. С. 72–73.

раграфы суворовской «Науки побеждать» в «Книжку красноармейца»⁵⁷. Суворов оставался постоянным источником вдохновения, как в ходе трудного периода военной модернизации 1920–1930-х гг., так и в ходе развития советского военного искусства в годы Великой Отечественной войны. Его пример всё ещё является важной отправной точкой для современных специалистов по обучению, включая такую видную фигуру, как генерал-полковник М. А. Гареев. И вряд ли могло быть иначе. По словам А. А. Комарова, важность Суворова заключается не только в его внимании к прогрессивному обучению, не только в его заботе о солдате, но в его упоре на простоту, ясность и реализм. Комаров отмечал, что «такие аспекты его педагогической системы... звучат вполне современно»⁵⁸.

Классика всегда современна. Чтобы американскому специалисту понять Суворова, нужно представить себе человека, в котором соединились военно-педагогические принципы барона Ф. В. фон Штойбена, Френсиса Мэриона и Натаниэля Грина и который продемонстрировал неизменную универсальность и актуальность этих принципов.

О таких учителях и воинах слагаются легенды. Существует, например одна русская легенда, согласно которой Суворов никогда не умирал, что спит он глубоким сном, чтобы проснуться, когда России будет угрожать смертельная военная опасность⁵⁹. И пока ответом на военный вызов в эпоху современных массовых армий является возможность либо выставить в поле большое количество уже обученных солдат, либо быстро их создать, как в Великую Отечественную войну, дух Суворова скорее всего не умрёт. Его принципы обучения бесспорно не утратили своей актуальности и через два столетия после его смерти — и не только для русских.

*Перевод с английского
А. А. Кривопалова*

57. См. подробнее: Бескровный Л. Г. Система обучения и воспитания войск А. В. Суворова // Александр Васильевич Суворов. Под ред. Л. Г. Бескровного и А. А. Преображенского. С. 193–194; Кавтарадзе А. Г. А. В. Суворов в отечественной историографии // Там же. С. 44–45.

58. Комаров А. А. Великий полководец и педагог. С. 16.

59. Орлов Н. А. Суворов — русский военный деятель // Суворов в сообщениях профессоров Николаевской академии генерального штаба. Т. 2. С. 309. См. также: John L. H. Keep. Ibid. P. 212.